

Катерина Щербань

Голод был в 1933-м, а нас, сразу, в 1934-м, в феврале месяце, 24-го февраля, перевезли эти, агит.... в Харьковскую область. Было переселение людей. И приехала другая компания этих агитаторов, но этого учителя уже не было, которые нас уговаривали, чтобы ехать из нашего села, на Киевщине, на Харьковщину: «Там есть очень хорошая земля. Много хлеба, всегда будете иметь что есть, и то, и другое». Мы собирались у кого-то в доме, а я уже была большая и интересовалась, что они там будут говорить про голодовку. Так они рассказывают, агитируют - а люди молчат. Никто ничего не спрашивает, только слушают, потому что каждый боится, что если скажет какое-то слово, то пришлют, что ты какой-то шпион, или еще кто. А мы, старшие – те, что младше там сзади – так и спрашиваем. Больше всего спрашивала я, потому что у меня голос такой сильный, и я выше остальных. Так я присяду, а они обступят [меня], чтобы нельзя было узнать, кто говорит. Так вот я всё спрашивала: «А что там у Вас?» - люди спрашивали, где мы там будем жить. Так они говорили: «О, там много пустых домов!» А тогда мы у них и спрашиваем: «А почему там много пустых домов? А где те люди? Они все вымерли? Вы их всех похоронили?» «О, там, - говорит, - никто не умирал, там молодёжь выехала в города; не хотят работать в селе, а старшие не успевают обрабатывать, и поэтому там много пустых домов, и некому работать в поле».

И как посеяли в 1932-м году, так весной в 1933-м не было кому ни полоть, ни собирать, ни садить. Так уже ничего и не распахивали. На тех землях такой бурьян вырос большой – здоровенный, как лес. Нас как привезли со станции – нас забирали с Коломацкой станции; мы приехали в село Коломак – нас забирали и везли на санях, так [мы] думали, что это лес растёт. И было так темновато, рано утром нас туда привезли. Так мужчины останавливали подводы и ходили смотреть - привезли нас в какую-то тайгу, или что? Так лес молодой был, красивый - а то бурьян! Потому что целое лето никто ничего не делал, не сажал, а уже сеять такое, раннее – ни гречки, ни овса, ни проса – не было кому. А как посеяли, то не было кому полоть, и не кому было собирать. Вокруг были одни бурьяны. Приехали – а с нами было много моих. Я так ещё не ходила на работу, потому что ходила в школу. А сестры и братья, так их каждый день гоняли на то – давали, или брали из дому то топоры, то ножи большие - и все рубили этот бурьян и жгли. С самой зимы начали жечь.